

Оглавление

Часть первая Узник

Глава первая Шоу	9
Глава вторая Капитан N	23
Глава третья Честность	36
Глава четвертая Девочка на шаре	51
Глава пятая Компромисс	83

Часть вторая Иванушка-дурачок

Глава шестая Егорыч	103
Глава седьмая Царь	123
Глава восьмая Измена Родины	139

Часть без номера Сон

Глава девятая Погасшая звезда	185
Глава десятая Звездная женщина	204

Часть третья
Князь мира сего

Глава одиннадцатая На пике	237
Глава двенадцатая Катастрофа	260
Глава тринадцатая Арест	276
Глава четырнадцатая Судный день	292
Глава пятнадцатая Умненькие мальчики	310
Глава шестнадцатая Дышать	333
Глава семнадцатая Высокий гость	365

Часть четвертая
Господь

Глава восемнадцатая Распяtie	389
Глава девятнадцатая То, что вы хотите	418
Глава двадцатая Свайп	453
Эпилог	469

Часть первая
Узник

Глава первая

Шоу

Самое плохое, что может случиться с человеком, со мной уже давно произошло: я родился. Остальное лишь вытекает из этого печального факта. Остальное — это я, сидящий на холодном металлическом полу тюремной камеры, закрывший глаза и зажавший уши ладонями. Такая фарфоровая обезьянка из детства. Стояла, помню, на комодке в спальне родителей. Точнее, три обезьянки. Ничего не вижу — ничего не слышу — ничего не скажу. Рот руками, как третья обезьянка, я зажать не могу. Не хватает рук. Но я и так не скажу. Потому что сказать мне нечего. В этой позе проходит большая часть моих дней. Или ночей? Не знаю. Дни и ночи остались в совсем другой счастливой жизни. Здесь их нет. Только — ничего не вижу — ничего не слышу — ничего не скажу... Я бы предпочел не существовать, чем так... Но не получается. Даже время стало моим врагом. Оно душит. Вернее, придушивает. Живу на самой грани небытия и никак не могу пересечь эту грань. Никогда не думал, что можно так мечтать о смерти. Сон — мое краткое счастье. Хотя и во сне... Но я научился забывать сны. Об этом никто не знает, это мой главный секрет и пять-

десять секунд кайфа, выцарапанного мною у жизни. Пять-десять секунд, когда, выныривая из очередного кошмара, я зависаю в воздухе, чтобы неминуемо плюхнуться в кошмар реальности. В воздухе хорошо. Я забываю сон, забываю, кто я и где я... Заканчивается это всегда одинаково: мне становится нестерпимо хорошо, а затем сразу приходит понимание, почему мне так нестерпимо хорошо. И становится нестерпимо плохо. Я открываю глаза и вижу то, что вижу. И слышу то, что слышу. И понимаю то, чем я являюсь, и чему послужил причиной, и к каким следствиям-последствиям это привело. Тогда я сажусь в позу лотоса на холодный металлический пол своей камеры, закрываю глаза, зажимаю ладонями уши и стараюсь ни о чем не думать.

Беда в том, что сами мои старания есть мысль. Думать о том, чтобы не думать — мой личный Эверест глупости и безнадеги. На этой вершине я провел первые пять лет своего заключения и все-таки решил якобы неразрешимый логический парадокс. Жизнь заставит — и не такое решишь. Я вообще-то парень умный и упорный. Когда-то был предметом зависти и образцом для подражания всего человечества. Человечества! Ни больше ни меньше! Тьфу, вспоминать противно... К сожалению, нрав у человечества весьма переменчив. Вчера превозносили, обожествляли, награды вручали, а сегодня... А сегодня я сижу в камере-одиночке, обвиненный в заговоре с целью уничтожения вида *homo sapiens*. И во всех проблемах этих бедных *homo* виноват практически я один. Что не так уж далеко от истины, к сожалению... А ведь было время — меня, казалось, в кос-

мос несло, прямиком в божественные выси. Но вынесло сюда, на холодный тюремный металлический пол, где я ничего не вижу, ничего не слышу и ничего не скажу...

Все же что-то от бывшего величия во мне осталось. Со временем я научился забывать себя. Это оказалось довольно просто. Любому существу, пожелавшему забыть себя, необходимо закольцеваться, впиться зубами в свой несуществующий или существующий хвост, начать жевать его и перестать понимать, где собственное начало, а где конец. Технически укусить самого себя за хвост гораздо проще, чем объяснять философскую подоплеку этого действия. Достаточно, предельно сконцентрировавшись на одной мысли, много раз (может, и миллион, откуда мне знать, не считал) повторить ее про себя. Да-да, все банально, старые добрые мантры... Не банально, правда, что дошел я до этого сам, никогда не изучая никаких восточных практик. И даже изобрел несколько эксклюзивных заклинаний. Самое бронебойное из которых — “Чумо лока дах о!”. Если и простит меня когда-нибудь оскорбленное и погубленное мною человечество, то именно за “Чумо лока дах о!” Подозреваю, что если бы донес кто-нибудь до людей мое великое открытие, то все можно было бы исправить или хотя бы остановить. Но некому доносить — сторожащие меня силы добра и порядка мне не поверят. Сочтут, что я все-таки сбежал от них в безумие, несмотря на все препараты, которыми они меня регулярно пичкают.

“Чумо лока дах о!” — заклинание, рожденное опытным путем из обыденной фразы на русском языке: “Хочу молока, да!”. Если быстро и много раз ее повторить, то звуки сольются в восхитительную бессмыслицу, случится короткий, но яростный укус, после чего личность перестанет существовать. Главное — повторять

много раз. Однообразие приведет к взрыву, и все исчезнет. К сожалению, в моем случае счастье длится недолго. Через некоторое время из блаженства меня вырывает вибрация. Такая незаметная, почти неощутимая дрожь. В пустоте и небытии не может быть дрожи. Кайф рушится. Громкие звуки, которыми пытаются меня силы добра и порядка, тепло или холод не способны победить “Чумо лока дах о!”, но вот дрожь побеждает легко.

Все просто — тюрьма, где я обитаю последние восемь лет, находится в трюме авианосца, и двигатели его не замолкают ни на секунду. Дрожь — это не просто вибрация. Это вещественное подтверждение того, чем я стал.

Выпав из небытия, я вынужден открывать глаза. Почему — могу только строить гипотезы. Но однажды я открыл их не сразу и потом целый месяц не мог достигнуть нужного состояния. И даже “Чумо лока дах о!” не в силах было мне помочь. С тех пор сразу открываю. Первое, что всегда вижу, — себя. Куда бы ни посмотрел — всегда себя. Нет, я не в зеркальной комнате, стены моей темницы, как и полагается по классике жанра, темны и непроглядны. Однако технологии со времен обожаемого мною в детстве узника замка Иф скакнули далеко вперед. Стены научились превращаться в экраны. Во множество экранов... Ни холод, ни звук, ни прожектора, которыми меня слепят, особых хлопот не доставляют. А вот ЭКРАНЫ... Обмануть их стало моей целью. Я верчу головой, моргаю, резко перевожу взгляд, но постоянно утыкаюсь в себя. Даже холодный металлический пол, стоит только по-

смотреть на него, превращается в ЭКРАН. Датчик слежения за зрчками или что-то в этом роде... Я знаю, я не чужд технологиям, сам когда-то в них верил. А теперь верю, что смогу их обмануть.

Нет, опять не удалось. На ЭКРАНЕ я вижу себя. Бородатый обросший чувак в оранжевом мешковатом комбинезоне, вылупив мутноватые зенки, проступает сквозь пиксели. На запястьях чувака элегантные стальные кандалы с тонкой цепочкой, на щиколотках тоже, разве что цепочка потолще. В нашем безумном мире вполне могли бы сойти за стильные украшения. Но здесь, в трюме тюрьмы-авианосца, у них другая роль. Так же, как у оранжевого комбинезона и у всего этого дешевого, насквозь фальшивого голливудского антуража. Дурацкий реквизит должен унижить меня и превратить в податливое ничтожество. Честно говоря, чувак с экрана примерно так и выглядит. Крупный нос, большие навывкате глаза, серая от отсутствия солнечного света кожа. Возраст чувака неопределенный — и тридцать может быть, и шестьдесят. Все равно под свисающей клочьями спутанной бородой не разобрать. Помесь Коцея Бессмертного, Джона Леннона и бомжа из подворотни. Однако остатки моего сознания утверждают, что он — это я. Хотя при современном развитии технологий цифрового обмана могу быть и не я. Впрочем, какая разница, если мне давно уже все равно. Думаю, силы добра тоже об этом догадываются и поэтому показывают меня скорее для проформы, как бы соблюдая старинную традицию и лениво разминаясь перед основным представлением. Экран гаснет, на секунду в темнице наступает соответствующая названию темень. А потом стены моей камеры вспыхивают, превращаются в один сплошной ЭКРАН, и начинается

*высокобюджетное, с размахом поставленное шоу. Это *super live reality show* идет уже восемь лет и называется “Гибель цивилизации homo sapiens на планете Земля”.*

Звучат бравурные аккорды “Оды к радости” Бетховена, на стенах появляется замысловатая заставка, но еще до ее появления, по одним лишь аккордам, я понимаю, что трансляцию ведет “Евроњьюс”. Самая поганая и садистская телекомпания в мире. И не потому, что она творит нечто особенно мерзкое, — все телекомпании показывают приблизительно одно и то же. Мерзость ее заключается в интонации. Такая, знаете ли, спокойная бургерская манера речи, убеждающая в непоколебимости существующего миропорядка. Причем с этой интонацией они рассказывают и о фестивале пива в Мюнхене, и о взрыве тактической атомной бомбы в Сирии, обратившем в пепел сорок тысяч человеческих существ. Из-за их ублюдской интонации пиво и атомный взрыв становятся явлениями одного порядка. Это же какие-то дикари-полулюди сдохли, а фестиваль пива в Мюнхене все равно проводится и будет проводиться во веки веков. И значит ничего никому не грозит. Потягиваем пивко, смотрим телек дальше... Это так подло и мучительно, что я не выдерживаю и начинаю молиться.

— Господи, — шепчу беззвучно в сторону ненавистных ЭКРАНОВ, — я не могу больше выносить этой паршивой, благодистой европейской интонации, как будто ничего не произошло и всех впереди ждет если не светлое, то прогнозируемое будущее. Я знаю, что во всем виноват сам, но пожалей...

На самом пике молитвы мне в голову приходит мысль, что бога, возможно, нет. И даже справедливо будет, если его нет. Такому грешнику, как я, очень правильно просить милости у того, кого нет. Смешно и правильно. И справедливо. Русские, говорят, любят справедливость. Я русский и хлебаю ее полной ложкой. И не к кому даже обратиться, чтобы чашу эту мимо пронесли...

Зато я знаю, что такое мужество. Мужество — это не бросаться грудью на пулеметную амбразуру. Мужество — это широко открыть глаза и смотреть “Евро-ньюс”. Я открываю и смотрю. Политкорректный диктор-пакистанец, слепя камеру фарфоровыми зубами, под мелькающие в углу экрана картинки зачитывает новости.

Сегодня, 1 июля 2031 года, мэром города Кельна избран лидер гражданского крыла ИГИЛ Мухамед аль Джихади. Избранный мэр заявил, что он друг истинным христианам и даже во многом разделяет христианские ценности, например сжигание на костре за ересь отрицания Господа.

На Красной площади в Москве состоялась очередная публичная казнь активистов ЛГБТ-сообщества, обвиненных в изнасиловании депутата Госдумы Анатолия Милого. Президент России заявил, что не имеет ничего против геев, скрывающих свою ориентацию, а против изнасилований в извращенной форме выступает вместе со всем российским народом. “И вообще, — в свойственной ему манере пошутил президент, — предлагаю Лобное место на Красной площади переименовать в Заднее”.

В бельгийском Брюгге состоялся традиционный фестиваль шоколада.